

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ В ТЮРЬМЕ. ОТ "РОЛИ" ЗАКЛЮЧЕННОГО К ПОИСКАМ ИДЕНТИЧНОСТИ ОСУЖДЕННОГО¹

Леонор Лё Кэн

Полевые исследования в тюрьме. Эмоциональное вовлечение в работу

В течение двух лет (с 1994 по 1996 гг.) четыре-пять раз в неделю я посещала тюрьму, расположенную в парижском пригороде Пуаси, где под стражей содержались примерно 260 заключенных, приговоренных к лишению свободы на средний или длительный срок (от пяти лет до пожизненного заключения) за тяжкие преступления: убийства, изнасилования, вооруженные ограбления, правонарушения в сфере незаконного оборота наркотиков...

Полевые исследования оказались длительными, как и последующая работа над их описанием. Причиной тому была сильная эмоциональная составляющая, от которой мне приходилось избавляться в процессе работы. Тем не менее, именно эта эмоциональная вовлеченность позволила мне частично соприкоснуться с карцеральным миром и определить объект моего изучения.

Полевые исследования я проводила, общаясь как с тюремным персоналом, так и с заключенными. Я работала вместе с представителями отдела по общественно-воспитательной работе, и тюремный персонал в общей своей массе принимал меня за работающего на

¹ Часть материала данной статьи уже была опубликована в книгах L. Le Caisne, 2000, *Prison. Une ethnologue en centrale*, Paris, Odile Jacob, L. Le Caisne, 2004, "L'Economie des valeurs. Classement et hiérarchie en milieu carcéral." *L'Année sociologique*, 55, n°2, p. 511-538.

месте "стажера-социолога". В результате мне удалось понаблюдать за работой пенитенциарной администрации, изучить различные досье, а также задачи тюремного персонала, и в целом познакомиться с суждениями и взглядами работающих в тюрьме людей. С самими заключенными я встречалась либо в прогулочном дворе, либо в мастерских, либо в залах для занятий... Более длительные индивидуальные беседы с ними я проводила в кабинетах, в которых социальные работники обычно принимают заключенных.

Все эти два года я в буквальном смысле слова находилась во власти представлений заключенных о самих себе и их сокамерниках. Адресованные мне рассказы я воспринимала без каких-либо возражений. По сути, мы разделяли общее представление о том, что такое "бандит". Мое внимательное и непредвзятое отношение к словам заключенных, к их рассказам о своих подвигах позволило изнутри понять проблемы моих собеседников. Так мне удалось собрать материал для данного исследования.

Позволив себе эмоционально вовлечься в работу (по выражению Жанны Фавре-Саада (Favret-Saada 1990 : 3-9)), все два года полевых исследований я прожила в состоянии сильнейшего напряжения. Исполняя отведенную мне роль, я вынуждена была идти на поводу как у тюремного персонала, так и у заключенных: мне приходилось соглашаться с педагогическими соображениями первых и их представлениями о необходимости воспитания осужденных, и в то же время следовать инструкциям заключенных, указывавших мне, с кем нужно встречаться, разговаривать, кому следовало пожать руку и т. д. Задача моя оказалась чрезвычайно сложной. Когда эмоциональное напряжение достигало своего предела, мне приходилось покидать тюремное заведение. Играя отведенную мне роль, без большого вреда для себя я отчасти испытала на себе нелегкое положение осужденного, вынужденного, с одной стороны, сосуществовать с другими заключенными (что заставляет его следовать логике протеста), а с другой – вступать в отношения с тюремным персоналом (от которого зависит освобождение заключенного из-под стражи), требующим от него стать членом общества.

В результате этой сложной работы мною была выявлена следующая проблематика: вынужденно находящийся в тюрьме и в то же время мечтающий о выходе на свободу заключенный постоянно переходит из одного состояния в другое, руководствуясь то стремлением примкнуть к коллективу, к группе заключенных, то желанием проявить свою индивидуальность и предстать в качестве обычного

человека, несмотря на всю исключительность им содеянного. Работа тюремщиков, чей оценивающий взгляд и отношение также чрезвычайно важны для отбывающих срок, состоит как в надзоре над заключенными, в их содержании под стражей, так и в том, чтобы помочь этим людям, стараясь найти к ним индивидуальный подход. В подобной ситуации тюремные работники, в свою очередь, вынуждены проявлять себя в различных ипостасях по отношению к одному и тому же заключенному. Наконец – и это главное – заключенные находятся под воздействием разнонаправленных социальных импульсов. Для того чтобы сосуществовать между собой, они вынуждены пребывать в моральной конфронтации как по отношению к тюремному персоналу, так и по отношению к обществу в целом. В то же время, чтобы выйти на свободу, они должны вести себя как подобает обычному гражданину. Эта непростая ситуация неизбежно ведет к кризису идентичности заключенных.

Тюремная социология в США (1940 – 1970)

Работа над данной проблематикой заставила меня заняться изучением того, как в исключительно сложных обстоятельствах человек представляет себе самого себя и каким образом в подобных условиях выражаются моральные ценности. Для этого мне пришлось дистанцироваться от многочисленных социологических исследований, проводившихся в США с 1940-х вплоть до 1970-х гг. Эти социологические исследования представляют "тюремное сообщество" как особое общество со своими "структурами" и "функциями", где заключенным отводятся различные "роли", обозначаемые жаргонными терминами. Считается, что, несмотря на всю свою разношерстность, заключенные разделяют общую систему ценностей, которой они чрезвычайно привержены, и нормы которой определяют поведение каждого заключенного как по отношению к остальным осужденным, так и по отношению к тюремному персоналу. В своих работах североамериканские ученые сходятся в понимании функции этой тюремной культуры: требуя от заключенных лояльности, коллективного потребления редких в тюрьме продуктов и запрещая эксплуатацию одними заключенными других, моральный кодекс тем самым помогает осужденным сносить тюремные тяготы и снижает напряжение, могущее привести к тюремному бунту. Так приверженность нормам якобы помогает заключенным сохранить достоинство. Американские социологи, таким образом, изучали тю-

ремную культуру в рамках дюркгеймовского подхода, расценивая ее как целостность, удерживающую индивидов в подчинении, регулирующую их социальное поведение и преобразовывающую жизненное пространство в однородную социальную систему. Увлечшись представлением культуры как самодостаточного целого, довлеющего над человеком, североамериканские ученые разглядели лишь "роли", а не индивидуумов, способных существовать вне этих ролей. На самом деле американские социологи недостаточно разобрались в дискурсе заключенных. Не отделяя условные высказывания (то, что следует говорить) от фактов, они поняли слова заключенных буквально, потому что в сказанном ученых интересовало только содержание. Оно было воспринято как социологический дискурс, то есть как речь, объясняющая поведение, без учета ее прагматического аспекта. Тем не менее, именно это необходимо принять во внимание.

Реорганизация своего мира

Отбывающий наказание человек (заключенный в пределах пространства площадью около трех гектаров вместе с тремя сотнями других осужденных) вынужден (дабы выжить социально) переустроить свой новый мир, пытаясь одновременно выделиться на фоне других заключенных и примкнуть к определенной группе.

Он вынужден, прежде всего, бросить все силы на то, чтобы не оказаться приравненным к окружающим его "преступникам", он должен выделиться среди них и противостоять ситуации крайней физической и социальной близости, в которой он оказался. Действительно, он вынужден жить вместе с людьми разного возраста, разного этнического, культурного и социального происхождения, а главное – с заключенными, осужденными за различные преступления и правонарушения, как с отбывающими свой первый срок, так и с рецидивистами. При подобной скученности, тесном сожительстве со столь разными людьми, и тем более – с "преступниками" ("преступник" – всегда Другой) заключенному просто необходимо (если он желает остаться собой) установить дистанцию по отношению к другому: "Помимо различий, возникающих в результате изоляции, существуют и не менее серьезные различия, обусловленные близостью: желание противопоставить себя, выделиться, желание быть самим собой", – пишет Клод Леви-Стросс (Levi-Strauss 1997 : 17).

Если уподобление другим с социальной точки зрения невозможно, это не значит, что само по себе выделение на фоне других более терпимо. Для того чтобы установить социальные отношения с теми, кто его окружает, заключенный должен найти свое место, присоединившись к какой-либо группе, для чего сначала необходимо создать Другого и классифицировать тех людей, с которыми заключенный входит в контакт, иными словами, установить символический порядок среди населения, состоящего из других, отличных от него людей. Между тем группы формируются и распадаются, по мере необходимости, в результате тех или иных ситуаций, в которых оказываются действующие лица. Для того чтобы быть самим собой, жить, устанавливать отношения со свободными людьми (тюремный персонал, третьи лица, этнолог...) и сосуществовать с заключенными, отбывающий срок человек должен, говоря в общем, создать себе новый, достаточно достойный образ, который смог бы помочь смягчить излишне негативный образ отверженного и одновременно выделить заключенного по отношению к другому осужденному, уподобление которому представляется дезориентирующим. Осужденному необходимо также придать смысл своему исключению и снова взять судьбу в свои руки, интеллектуально постичь тюремное сообщество, состоящее из отличных от него людей, сообщество, в среде которого он должен найти свое место. И наконец, преступивший моральный закон заключенный должен "залатать" проделанную им самим "брешь" и вновь обрести свое место в рамках морали. Поэтому каждый заключенный пытается отличиться от другого, присваивая себе и другим тот или иной моральный образ.

Моральные образы и внутренняя логика

Заключенные переупорядочивают свой мир, создают свою уголовную идентичность и строят свои карцеральные отношения на основе трех типов моральных образов: образов, служащих им для дистанцирования по отношению к другим заключенным и позиционирования себя по отношению к свободному человеку; образов, помогающих в создании идентичности включенного в тюремную среду человека; образов, с помощью которых осужденные пытаются взаимодействовать между собой. В зависимости от ситуации (места и людей, с которыми они имеют отношения), заключенные задействуют тот или иной образ.

Образы, помогающие заключенным найти свое место и позиционировать себя по отношению к свободному человеку

Общаясь со свободным человеком (в частности, с ученым-исследователем), интересующимся повседневной жизнью осужденных, заключенные стремятся выделиться среди себе подобных, выстраивая иерархию среди категорий отбывающих наказание. Эта иерархия выражается безличными и идеальными образами: "Вы знаете, – объясняли мне один за другим заключенные, – тюремный народ подчиняется строгой иерархии. Существует несколько категорий заключенных!" Заявляя это, заключенные стремятся скорее не проинформировать этнографа о тюремном сообществе, а позиционировать себя как по отношению к другим заключенным, так и по отношению к проводящему исследование. На самом деле тюремное сообщество не состоит из этих "категорий заключенных"². Их функция декларативна, то есть эти образы присутствуют исключительно в речи, несут смысл и эффективны только в самом высказывании. К тому же, рассказывая о данных категориях, заключенные никогда не называли мне конкретных имен.

1. *"Политический"* ("politique"). Образ "политического" заключенного занимает самую верхнюю ступень в тюремной иерархии. По словам заключенных, "политический" не стремится вновь влиться в общество, против которого он борется. Он действует не в своих личных интересах (если он идет на кражу, то только ради блага организации, в которой он состоит), он "умен", "вдумчив" и "образован". А это значит, что он гуманен и цивилизован. Это "хороший парень, который борется и приносит в жертву идею годы своей жизни".

2. *"Бандит"* ("voyou", "truand", "bandit", "grand criminel") очень уважаем: "Он даже лучше нормального человека". Нелегальные действия "бандита" нивелируются его принадлежностью к высшему

² И если эти образы не обладают непосредственно конститутивной функцией в формировании тюремного сообщества, они могут нести в себе определенную окраску, коннотацию. Так например, в одной из более строго охраняемых тюрем (по сравнению с тюрьмой Пуасси в момент проводимых мной исследований), от заключенных можно было услышать о существовании "категории" "убийц судей". Именно в этой тюрьме содержался под стражей убийца судьи Мишеля. Во время же моих исследований в тюрьме Пуасси никто из заключенных подобную категорию не упоминал.

кругу, исключительно мужскому, с еще более строгими ценностями, чем у осудивших их граждан. "Предателя убивают", а не просто "сажают". Кроме того, "бандит" нападает не на простых людей, а на других "бандитов" или же на стражей порядка, что защищает его от каких-либо обвинений в аморальности. Ибо правонарушения "бандита" четко определены: "Бандит занимается вооруженными грабежами, "разборками", похищениями людей". Данные преступления характеризуют суть и способы действия "бандита". Держа человека на дистанции, под прицелом оружия (символ мужественности), "бандит" избегает контакта с телом жертвы ("бандит" никогда не стреляет, если его к этому не принуждают). Участие в "разборках" подчеркивает принадлежность "бандита" к особому кругу и его приверженность определенным ценностям. "Похищения" свидетельствуют о способности "бандита" к долгосрочному планированию, подтверждают его организаторский дух, выдержку и влияние на членов своего круга. "Бандит" следит за тем, что говорит (вполне человеческая черта): "В бандитском мире важно слово, уважение!" или "Бандит никогда не признается. Что хочешь с ним делай – он ничего не скажет!" Все эти способности указывают на то высокое место, которое отведено образу "бандита" в культурном смысле. И если "бандит" оказывается маргиналом в глазах общества, то лишь потому, что обыкновенные люди "бандиту" завидуют. Создавая образ "бандита" как объекта зависти, заключенные тем самым возвращают "бандита" в общество. То, чем занимается "бандит", приравнивается к профессии, важному аспекту жизни простого человека: "Он так же работает, как рабочий на заводе "Рено". Это работа! Тяжелая работа!"

3. "Налетчик" ("braqueur"), (наряду с "политическим" и с "бандитом") относится к обычной элите тюремного сообщества. Это "супер", "классный", "хороший пацан", "смелый парень". Занимая второе место в иерархии после "политического", вооруженный (символ мужественности) "налетчик" грабит банки, ювелирные магазины и почтовые отделения. Он занимается "делом чистым и честным". "Чистым", потому что налетчик доминирует в криминальном кругу, так как вооруженные нападения требуют от исполнителя изобретательности и ума. Дело налетчика считается "честным", ибо нападение происходит в полуобщественном месте (в банке или в почтовом отделении); украсть деньги – значит украсть "бумажки", ценность, лишенную аффективного наполнения, то есть не-ценность. Кроме того, эта не-ценность – собственность государственная, а не

частная. "Чистым и честным" делом такая кража является еще и потому, что отважный "налетчик" противопоставляет себя не менее сильному, чем он сам, – государству и стражам порядка, – и рискует своей жизнью. Благодаря оружию жертва держится на дистанции и не может его осквернить. "Чистая" эта работа еще и потому, что ради нее не надо проливать пот: "налетчик" не тот, кто "вкалывает в поте лица", не рядовой гражданин, зарабатывающий своим потом (а потому дурно пахнущие) деньги. И, наконец, "налетчик" действует не с тем, чтобы удовлетворить свои первичные потребности, а для того, чтобы жить шикарной жизнью и среди сильных мира сего, – еще одно доказательство его высокого положения в цивилизованном мире.

4. "*Сутенер*" ("proхénète") – это "бандит" более низкого ранга. Его заключенные расценивают как нечто среднее между мужчиной и женщиной. Зарабатывая деньги благодаря женщинам, он не разграничивает мужское и женское пространства: разграничение, которого всегда придерживается "бандит". Сутенер "не в состоянии держать в руках пушку", его оружие, которым он пользуется для зарабатывания денег, – женщина. В отличие от "налетчика", сутенер не наделен умственными качествами настоящего мужчины, такими, как смелость и изобретательность. "Сутенерством деньги добывать легко. Нет ничего проще, чем заставить бабу лечь под клиента". Сутенер не примечателен и физически, так как действует без оружия, а, значит, он не мужественен. "Манерный и женоподобный", сутенер ведет себя как "баба": "Он смахивает на девку, которую можно потискать". "Сутенер – это неудавшийся мужик. Так, мелочь". Деньги сутенера исключительно грязные.

5. "*Наркоделец*" ("stup"), торговец наркотиками, вызывает у заключенных еще большую неприязнь, чем сутенер. Определяемого как вещь ("мразь", "дрянь"), "наркодельца", никогда не притрагивающегося к наркотикам, называют "продавцом смерти". Его жертвы – простые люди, а еще точнее – молодежь. Говоря об образе "наркодельца", заключенные идентифицируют себя с людьми из внешнего мира и упоминают о своем личном опыте, что дает им право осуждать "наркодельца". В разговоре о "наркодельцах" выясняется, что у многих заключенных есть дети: "У меня дети, и это может коснуться и их!" Кроме того, у большинства "в семье есть наркоман", поэтому заключенные утверждают, что знают, о чем говорят.

6. "*Насильник*" ("pointeur") занимает самую низшую ступень в иерархии ценностей. Этот образ (с точки зрения описания) практически диаметрально противоположен образу "налетчика".

Изначально "наильник" – тот, кто отбывает срок за изнасилование, и конкретно – за изнасилование ребенка. В более широком смысле "наильником" называют любого, кто совершает насилие над теми, кто слабее него: над женщинами, детьми и стариками, знакомыми или незнакомыми, которых он насилует, бьет или убивает. Для "бандита" "наильник" – это "навоз", в буквальном смысле животные испражнения. "Насильник" – это "мерзавец", "отвратный тип". Три основные черты характеризуют "наильника" как человека "отвратного". В то время как "бандит", "политический" и "налетчик" – люди особые, не нападающие на рядовых граждан, "наильник" – простой человек, чья агрессия направлена на себе же подобных, на "невинных". Будучи изначально простым рабочим, "наильник" как бы принадлежит "сообществу" людей вне тюремного мира, той же социально-моральной группе, что и судьи, стражи порядка, члены тюремной администрации. Действия "наильника" не только не поддерживаются (а значит, не оправдываются) каким-либо иным "сообществом" (например, кругом "бандита", "политического" или "налетчика"), они нарушают правила его собственного общества. Значит, "наильник" – предатель. "Насильник" "отвратен" еще и потому, что его преступления – проявление не умственной деятельности, а неосознанных позывов неуправляемого тела. Стремясь удовлетворить свои первичные потребности, "наильник" руководствуется природными инстинктами. Похоже, "наильников" в тюрьме насчитывается больше всего.

Гибкая иерархия

Благодаря этим образам (в конечном счете, чрезвычайно расхожим и, по всей видимости, разделяемым простыми гражданами) заключенные символически реорганизуют свой мир, отличают себя от любого другого осужденного, и им в некоторой степени удается избежать тюремной скученности. Не только потому, что они представляют себя не похожими на других, но также потому что подобная иерархия служит символическому дистанцированию по отношению к другому заключенному: "политический" не разговаривает с "налетчиком", который не разговаривает ни с "правонарушителями", ни с "наильниками", которые, в свою очередь, не имеют права обращаться к "бандитам". Заметим, что это символическое дистанцирование оказывается еще более необходимым, если учесть, что разделение заключенных на "категории" только подчеркивает и усугубляет невы-

носимость тюремной скученности и безличия, которых заключенные так стараются избежать.

Процесс определения отличий зависит от того места в тюремной иерархии, на которое заключенный сам себя помещает, а также от той ступени, которую, по его представлениям, ему отводят либо другие заключенные, либо этнограф, кому заключенный часто рассказывает о своих преступлениях. Большинство тех, кто находятся на вершине иерархической лестницы, отличают другого заключенного по типу совершенного им преступления, раскрывающего суть его автора, ибо совершенное преступление указывает на принадлежность заключенного к тому или иному сообществу, раскрывает его "ментальность", его ценности.

Это разграничение дублируется и созданием строгой иерархии, верхушка которой, тем не менее, может поддаваться нивелировке в зависимости от обстоятельств: – осужденный за торговлю наркотиками человек может совмещать в себе "налетчика", "сутенера" и "наркодельца", в результате чего возникает более емкий образ "универсального бандита", сумевшего репрофилироваться после серьезной работы по опустошению банковских сейфов. Мелкий воришка может подвергнуть сомнению ум и ловкость, приписываемые многим "бандитам" и "налетчикам": "Таких много, им уже полтинник, а они до сих пор не понимают и не поймут. Отсидели двадцать лет, но все равно пойдут на вооруженный грабеж, одна и та же дурь! Я, например, подворовывал направо-налево, так я вам скажу, что куш я брал больше, чем серьезные налетчики! Я лучше десять тысяч франков возьму. Зато если посадят, так даже года не дадут!"

Заключенный может также отрицать иерархию, различая лишь две большие категории осужденных: "Существуют два типа преступлений: такие, которые совершают ради выгоды, и любовные. Вот и вся разница!" Данный заключенный обнаруживает, таким образом, характеристические черты, отличающие "бандита" от "насильника": первый ищет материальной и финансовой выгоды (потребности культурного свойства), второй – телесного удовлетворения (природный инстинкт).

Заключенные, занимающие, в соответствии с совершенными ими преступлениями, низшую ступень в тюремной иерархии, часто проводят более общее различие между двумя категориями людей: с одной стороны – "зэк", человек маргинальный, обретающий свою идентичность в тюрьме, а с другой – тот, что попадает под стражу "случайно", которому "в тюрьме нечего делать". Это различие касается не

столько отдельно взятого лица, сколько социальной группы, к которой это лицо принадлежит. В то же время, и эти заключенные находят свое место в иерархии, помещая "наильника" или убийцу детей или пожилых людей ниже себя.

Наконец, человек, определяемый заключенными как "наильник" и признающий совершенное преступление, считает делом чести отрицать весь комплекс данных характеристик, так как с его точки зрения все люди равны, в том числе равны даже тем, кто находится на свободе. Единственное отличие, которое "наильник" признает, заключается в отношении к полученному сроку (признание вины и наказание); именно в подобной ситуации осужденный точно знает, что занимает достойное место среди других.

Таким образом, в каждом случае иерархия используется скорее для того, чтобы "подогнать" ее под себя, под свой частный случай, а не для того, чтобы изменить суть и моральную составляющую, "наполняющие" каждый из иерархических тюремных образов. Ибо, если задача состоит в том, чтобы отнести себя к определенному классу, не менее, и даже более важно не оказаться вообще вне класса, так как принадлежность к группе сильных дает заключенному ощущение своей самооценности и даже личного морального превосходства.

Несмотря на различные иерархические реконфигурации, все заключенные соотносят себя с иерархической лестницей и применяют одни и те же параметры. Представления, позволяющие установить классификацию, основываются на общепринятых противоположностях: мужественность/женственность, богатство/бедность, молодость/старость, интеллектуальная деятельность/ручной труд, способность к рефлексии/инстинктивные порывы... Представленные ценности, несмотря на их чрезвычайный конформизм, характерны скорее для простых людей, нежели для буржуазии. В более широком плане, в зависимости от типа совершенного преступления, от личности жертвы (частное лицо, банковское учреждение и т. д.) и от связей между преступником и его жертвой (степень знакомства и близости), заключенные определяют и оценивают других осужденных по шкале морали (от наиболее морального облика к низшему), чистоты (от наиболее чистого до наиболее грязного) и человечности (от самого человеческого к менее человеческому), применяя, таким образом, самую старую и обыденную антропологическую классификацию.

Заключенные отличают себя от обычных граждан (и зачастую с вызовом) не путем провозглашения каких-либо особых ценностей, а

позиционируя себя в качестве личностей, способных отделить зерно от плевел, а, значит, как людей, исповедующих более серьезные и строгие ценности, чем судьи, приравнявшие осужденных друг к другу и заключившие их под стражу в одном общем месте. И если заключенные превозносят отдельные виды преступлений (например, вооруженные ограбления), искажая тем самым некоторые из общепринятых ценностей, то делают это вынужденно, поскольку преступление и тюремное заключение являются теми элементами, на основе которых им приходится строить свою систему социальных отличий.

Заметим также, что осужденные различаются по принадлежности к одному из двух сообществ: "сообществу бандитов" или "сообществу обыкновенных граждан". Принадлежащий к иному сообществу ("бандит") представляется заключенными как человек наиболее цивилизованный. Принадлежащий к сообществу обыкновенных граждан "насильник" (совершивший преступление на сексуальной почве) снижается до уровня животного. В этом суждении идентичность человека, подвергшегося насилию, оказывается важнее совершенного акта (например, убийства). Заключенные показывают тем самым, что, в конечном счете, в их моральных суждениях соображения о том, что хорошо, а что плохо, имеют меньшее значение, чем то, к какой группе принадлежат они сами и к какой – те, с кем они взаимодействуют. Иными словами, представления о добре и зле меняются в меньшей степени по сравнению с границами референтных нормативных сообществ, с которыми соотносятся эти понятия (Sperber 1993 : 319-333). Данные сообщества определяют качества людей, по отношению к которым заключенные (по их мнению) имеют моральные обязательства, и определяют также права некоторых членов сообщества судить о моральном облике заключенных.

Однако эти референтные нормативные сообщества (в противоположность выводам социологов о тюремной жизни) являются, прежде всего, дискурсивными, то есть существуют только в речи заключенных. Их существование, на самом деле, кажется тесно связанным с контекстом, в котором о них говорится. Помогая заключенным упорядочивать свой мир и находить себе жалкие оправдания (ибо формулируются они в оборонительном ключе), эти сообщества позволяют заключенным объяснить их присутствие в тюрьме и их поведение, воспринимаемое всеми как аморальное.

Образы, позволяющие заключенному идентифицировать себя как включенного в тюремную среду

Помимо прочего, в тюрьме заключенные должны обрести свою социальную идентичность (в понимании этого термина Гоффманом³). С этой целью создаются еще два образа, соотносящихся на сей раз не столько с совершёнными преступлениями или жертвами, сколько с наказанием и особенностями его отбывания. Эти характеристики относятся только к идентичности отверженного (по отношению к внешнему миру) и, следовательно, принятого тюремным миром. Описание этих двух образов в большей степени основывается на социальных и эстетических соображениях, чем на соображениях непосредственно морального порядка о хороших и плохих поступках.

Когда разговор между заключенным и этнологом заходит именно о тюремной жизни, заключенные упоминают образ "особо опасного преступника"⁴ или "пожизненного" (преступника, осужденного на пожизненный срок заключения). Важность этих образов этнолог может понять по тем знакам уважения, которые оказываются "особо опасным преступникам" или "пожизненным" другими заключенными во время прогулок по тюремному двору. Эти два образа, особенно почитаемые, олицетворяют собой тюремную "аристократию". Ибо определениями "особо опасный преступник" и/или "пожизненный" наделяются только те "особо опасные преступники" или осужденные на пожизненный срок, которые совершили "почетный" поступок (в соответствии с выше упомянутыми ценностями), например, преступление против представителей правопорядка или против других "бандитов". В противном же случае определение "особо опасный преступник" и/или "пожизненное заключение" только усиливает аморальность совершенного преступления.

– *"Особо опасный преступник"*, находящийся под усиленной охраной тюремного персонала (который официально его опасается), особенно почитается заключенными. Усиленная охрана, а значит –

³ "Под социальной идентичностью я понимаю широкие социальные категории (наравне с организациями и группами, функционирующими как категории), к которым человек может открыто принадлежать, а именно: поколение, пол, класс, полк и т. д.", 1984, *Les relations en public*, сс. 181-182.

⁴ Определение, даваемое преступнику либо правоохранительными, либо судебными органами из-за предполагаемой связи осужденного с "крупным бандитизмом", либо по причине его агрессивного или бунтарского поведения в тюрьме.

символическое установление дистанции по отношению к свободным гражданам, превращают "особо опасного преступника" в осужденного и заключенного под стражу "бандита". Его существование еще раз доказывает, что тюрьма является местом для "бандитов" и подтверждает тем самым существование в тюремных стенах идентичности, возможной только по отношению к внешнему миру. Фактически, "особо опасный преступник" обладает аристократическими качествами "бандита": прямоотой, умением держать слово...

– *Образ "пожизненного"* – образ заключенного, которого боятся, уважают и которым восхищаются. С ним почетно появиться вместе или, по крайней мере, пожать ему руку. Фигура "пожизненного", пожалуй, самая важная из всех. Этот образ позволяет заключенным создать свою идентичность в тюрьме, иными словами, на короткий период переделать свой собственный образ отверженного на время в отверженного навсегда (внешнее общество становится периферией, а тюрьма – обычным обществом). Соотнося себя с "пожизненным" и идентифицируясь с ним, заключенные видят себя в долгосрочной перспективе и обретают относительную стабильность в процессе создания своей идентичности. Крайнее проявление исключения из общества, образ "пожизненного" является тюремным столпом, без которого тюрьма была бы лишь местом временного пребывания. И даже местом вне времени, ибо заключенные (и даже осужденные на пожизненный срок) находятся в ней лишь временно: в тюрьме они, в конечном счете, лишь для того, чтобы однажды из нее выйти. Так заключенные оказываются в двойственном положении, в котором им оказывается сложно создать свой образ внутри-тюремного человека. "Пожизненный" (олицетворяющий "настоящего заключенного") предстает тогда в качестве важнейшего элемента в создании их идентичности – "пожизненный" будет в тюрьме всегда. В конце концов, "пожизненный" пользуется (по крайней мере, так о нем говорят заключенные) свободой действий (чего ему еще бояться?), он вынужден бороться за выживание и устраивать свою жизнь в тюремных застенках, его шкала ценностей служит эталоном, а его поведение становится ориентиром для других заключенных.

Образы, позволяющие заключенным наладить общение

Упомянутые ранее образы относятся только к идентичности заключенных и к их статусу "принятых" в тюремное сообщество. Существовая в основном лишь в устной речи (в частности, те образы, которые

помогают заключенным позиционировать себя по отношению к человеку (извне), в реальности они не обуславливают отношения между самими заключенными. Прежде всего, потому, что на самом деле они имеют значение только для ограниченного круга осужденных: тюремное сообщество не состоит исключительно из "политических", "налетчиков", "особо опасных преступников" и прочих "пожизненных".

Эти образы к тому же слишком расплывчаты, а данная иерархия слишком узка для того, чтобы позволить заключенным общаться между собой. Кем бы каждый из заключенных ни был, все встречаются друг с другом каждое утро, разделяют одни и те же душевые и ту же "плошку", оказываются в общих мастерских, посещают общественно-образовательные занятия. Если бы вышеописанная иерархия применялась на деле, никто не вступал бы в разговор с другими, ибо большинство заключенных считает себя принадлежащими к тюремной элите (то есть к "налетчикам" или "бандитам") и низлагают остальных до уровня "наркодельцов" или "насильников". Кроме того, для того чтобы жить и общаться с другими осужденными, заключенные вынуждены снова обратиться к личностным особенностям окружающих.

Два новых образа позволяют заключенным ежедневно выстраивать свои отношения. Эти образы, включающие в себя элементы предыдущих и аннулирующие некоторые другие их составляющие, возникают на их основе, с тем чтобы их же и превзойти. В каждодневной реальности заключенные большей частью состоят из "хороших мужиков" и "мерзких типов", которых заключенный называет по имени и которым дает определение на основе их личных особенностей, в частности, характера. Определение, кажушееся более "правдивым" и менее официальным.

Не основываясь на "объективных" фактах (совершенное преступление, длительность срока), эти два новых образа, менее строгие и обязывающие по сравнению с предыдущими, позволяют заключенным отойти от прежде упомянутых ценностей.

– Образ "хорошего мужика" – образ представления, позиционирования себя. Спокойный или же способный контролировать свои эмоции, "хороший мужик" "хладнокровен", он действует обдуманно или по расчету: "Такой мужик, как Пьер, больше в тюрьму не попадет. А если попадет, то значит, он все рассчитал. Пьер – мужик, который не суетится". Такой человек способен "убить". "На его счету убийство!" – восхищается один из заключенных. Однако в первую очередь "хороший мужик" отличается от других своей

"ментальностью". "Обладать ментальностью" – качество, не поддающееся определению. Выражение указывает на то, каким образом человек подает себя. Сказать, что у заключенного "хорошая ментальность", значит заявить, что это "хороший мужик". Факт обладания "ментальностью" перевешивает послужной список аморальных действий, совершенных в соответствии со шкалой ранее описанных ценностей: "Для меня важна ментальность, а не то, что человек сделал или может сделать!". Умение отделять преступление от совершившего его человека – на это способен только другой "хороший мужик". В конце концов, "ментальность", природная черта ("С ментальностью рождаются. Ее нельзя приобрести."), позволяет нивелировать разницу, возникшую между "бандитом" и обычным гражданином: "Такая ментальность может быть у человека, который ни разу ничего не украл. Это может быть нормальный человек. Я знаю таких!"

Эту "ментальность" "хороший мужик" доказывает своим поведением с точки зрения скорее эстетической, нежели моральной. "Хороший мужик" "знает, как держаться", прогулочный двор он пересекает с высоко поднятой головой, широко расправленными плечами, он "умеет себя держать", не участвует в тюремной болтовне (в основном на тему того или иного преступления, срока, назначения нового судьи по исполнению наказаний, сроков заключения и т. д.). Такой "мужик" никогда не говорит о совершенном им преступлении, не хвастает, что позволяет ему не распространяться о своем, возможно, не слишком "уважаемом" (в соответствии с упомянутыми тюремными ценностями), преступлении. Тем не менее, качества "хорошего мужика" достаточно высоки, чтобы простить ему низкое преступление.

На самом деле "хороший мужик" должен все время находиться в процессе общения с другими заключенными, ибо, вызывая проявление знаков уважения к нему со стороны другого осужденного, "хороший мужик" тем самым заставляет его оставаться открытым по отношению к другим и не замыкаться на самом себе. Это позволяет заключенным самоопределиться и позиционировать себя по отношению друг к другу. Разрешая заключенным общаться друг с другом, "хороший мужик" выступает в качестве важнейшего стабилизирующего элемента в социальных отношениях.

– Образ "мерзкого типа" или "мерзкого мужика", наоборот, связан с осуждением. "Мерзкий тип" – это всегда Другой: "насильник" и "стукач". Этот образ складывается, однако, в два этапа. Заключенные говорят сначала о некоем "мерзком типе",

которого называют по имени и который подводит их к образу действительно "мерзкого типа", описать которого заключенные не могут, ибо на самом деле он невидим. "Мерзкий тип", которого заключенные называют по имени, – всегда культурный Другой, он подчиняется иной системе ценностей, норм и правил поведения (социального, экономического, символического порядка), отличающейся от системы ценностей говорящего. "Мерзкий тип" находится вне круга общения того, кто о нем говорит, как раз по причине культурных различий. Почти всегда это человек, бывший ранее членом общества и зачастую принадлежавший к более высокому социальному кругу. Иными словами, речь идет о человеке, который во внешнем мире находится в ситуации доминирующего.⁵

Однако задача заключенного состоит не в том, чтобы отстранить от себя человека из другой среды (даже если это тоже необходимо), ведь он уже сам по себе иной (а, значит, уже неместный). Заключенный скорее вынужден отстранить от себя того, кто не только оказался взаперти в одном и том же с ним пространстве, но еще и похож на него, заключенного, настоящий "мерзкий тип", но на сей раз невидимый. Ибо смысл здесь вновь состоит в том, чтобы выделить другого и оттолкнуть его от себя, с тем чтобы иметь возможность быть самим собой. Опасность приравнивания к остальным исходит от общей массы заключенных, о которых говорят как о "мерзких типах", но которых невозможно с точностью описать: это люди, которые прячутся и которых разыскивают, но которых намеренно никогда не находят. Ибо заключенный оказывается в парадоксальной ситуации: он вынужден мысленно держать другого на дистанции, отличая его от себя (в частности, давая ему определение "мерзкого типа"), и в то же время заключенному приходится постоянно выносить его присутствие рядом с собой. Замкнутое пространство, в котором заперт осужденный, мешает ему выдворить Другого. В случае если бы заключенный по-настоящему вычислил "мерзких типов", его жизнь среди них стала бы невыносимой. Вот почему "мерзкие типы" существуют скорее не в реальности, а благодаря той активности, источником которой они являются. Поиск и преследование невидимых людей являются сами по себе символическим дистанцированием. Для того

⁵ Апеллирование к одним только ценностным понятиям для определения человека позволяет заключенным устранить классификацию, присущую обычному обществу, и тем самым занять более привилегированное место в тюрьме.

чтобы поиск продолжался, "мерзкие типы" должны оставаться невидимыми.

Отсутствие четкой идентификации "мерзких типов" дает заключенному большую свободу действий: если в какой-то момент с "мерзкими типами" придется столкнуться на занятиях или в мастерской,⁶ то с ними все равно всегда можно будет общаться. Отсутствие четкой идентификации позволяет заключенному избежать окончательного разрыва отношений и примириться с жизнью среди других, сохраняя при этом дистанцию.

Лукавство

Будучи (в большинстве случаев) осужденными за действия, мало соответствующие разделяемым ими моральным принципам, а также будучи (в большинстве своем) обычными заключенными (то есть не несущими на себе, по выражению Гоффмана, клеймо "особо опасного преступника" или осужденного на пожизненный срок), осужденные вынуждены лукавить (Goffman, 1989 [1975]). Они выдают себя за невинно осужденных или приукрашивают факты, например: убийство простого человека превращается в умышленное убийство военнослужащего сухопутных войск, вооруженное ограбление в частном доме становится налетом на банк... Многие заключенные приписывают себе вымышленные, но уважаемые в тюремной среде преступления (например, вооруженные ограбления). Длительный срок заключения также становится предметом гордости. Вот почему осужденный на пять или восемь лет тюрьмы заключенный выдает себя за уже отбывшего десятилетний срок. Кроме того, он пытается замаскировать свой собственный "ярлык", свое "клеймо" посредством преувеличения и утрирования, например, открыто заявляя о своей ненависти к "насильникам" и занимаясь травлей "мерзких типов". Подобное лукавство объясняется не столько психическими особенностями заключенных, сколько социальными ограничениями, которые они на себе испытывают.

Для того чтобы выжить в тюремных условиях, заключенные вынуждены следовать установленной ими внутренней логике восхваления некоторых видов преступлений и непризнания совершенных преступлений. Эта логика входит в противоречие с логикой конфор-

⁶ По всей видимости, в подобных местах социальные отношения устанавливаются на базе других качеств. Доступа к этим местам у меня не было.

мизации, следования которой ожидают от заключенных представители судебной власти и пенитенциарная администрация, желающие также видеть в лице заключенного человека "уравновешенного", не меняющего свои высказывания в зависимости от той или иной ситуации.

Конформизм, устанавливаемый тюремным персоналом⁷

Представители судебных органов и пенитенциарная администрация требуют от заключенного, чтобы он работал и участвовал в общественно-воспитательных занятиях. Необходимость вновь обрести ощущение цельности своего "я" толкает заключенного к высказываниям, противоположным смыслу раскаяния, однако в то же самое время заключенный должен доказать, что исправляется, возмещая причиненный обществу ущерб, соглашаясь на проведение бесед с психологом и придерживаясь единственной линии в своих высказываниях: темы реинтеграции в общество; так, заключенный должен раскаться в своих преступлениях, заявить о желании работать, вернуться в семью и т. д. Тюремный персонал требует от него подготовки к послетюремной жизни: требует поддерживать связи с семьей (несмотря на то, что вся организация – встречи в небольших кабинках в общем зале, перлюстрация писем, прослушивание телефонных разговоров и проч. – эти связи с семьей только ослабляет). От заключенного требуется также наличие документа, подтверждающего найм на работу в какой-либо внешней организации (несмотря на то, что осужденные находятся в тюремном заключении и обладают мало привлекательными анкетными данными). По сути дела, заключенный должен готовиться к выходу на свободу, в то же самое время пытаться организовать свою жизнь в тюрьме. Более того, тюремный персонал требует от заключенного, чтобы тот не считал себя частью группы заключенных (залог его "реинтегрируемости"), в то время как его принуждают жить среди других осужденных. Тюремная администрация, в частности, советует заключенному прекратить общение с наиболее видными преступниками (например, с "особо опасными" или "пожизненными"), т. е. как раз с теми, на кого заключенный должен ориентироваться, выстраивая свой образ отверженного.

Кроме того, в рамках тюремного общения пенитенциарный персонал оценивает заключенных (а заодно их высказывания и их зна-

⁷ Подробнее о требованиях тюремного персонала к заключенным см. мою работу, *Prison. Une ethnologue en centrale*, Paris, Odile Jacob, 2000.

комых) в соответствии со шкалой ценностей, диаметрально противоположной их собственной. Среди заключенных наиболее уважаемыми являются наименее "реинтегрируемые" в общество осужденные, а наиболее презируемые, наоборот, должны реинтегрироваться удачнее всего. Если заключенный хочет выйти из тюрьмы досрочно, благодаря пересмотру его меры наказания в индивидуальном порядке, ему неминуемо придется отказаться от внутренних, принятых в среде заключенных ориентиров, тем самым оказавшись отброшенным на низшие ступени тюремной иерархии. По крайней мере, так должно выглядеть со стороны.

Двойная жизнь заключенного и вопрос "кто я?"

Таким образом, находясь в одном и том же замкнутом пространстве с другими, где все за всеми наблюдают, заключенный вынужден одновременно выстраивать два типа дискурса и вырабатывать, по крайней мере, два противоположных друг другу типа морального поведения: внутреннюю логику восхваления некоторых видов преступлений и принижения собственных преступлений (логику, выстраиваемую им совместно с другими заключенными) и логику конформизации, требуемую тюремным персоналом. В результате поведение и дискурс заключенного меняются в зависимости от того, общается ли он с другими осужденными или с тюремным персоналом. В то время как с тюремной администрацией заключенный говорит о реинтеграции в общество, заявляет о своем стремлении иметь работу и основать семью, вне стен кабинета он спешит похвастаться перед другими заключенными своими будущими преступлениями. Так заключенный оказывается раздираем между тем впечатлением, которое он производит на других осужденных, и образом, который он являет тюремной администрации (бандит в первом случае и "нормальный" человек во втором).

Заключенный мечется между двумя этими логическими схемами; окружающие его заключенные пытаются найти в нем проявления оппозиции тюремному учреждению и в случае, если знаков протеста находят немного, то отвергают его. Тюремный персонал пытается найти в нем признаки конформизации, и если они почти неразличимы, причисляет его к группе осужденных, еще не готовых (по мнению администрации) выйти на свободу. Если заключенный тяготеет к персоналу, то тем самым отделяется от своих товарищей по несчастью и предает их. Но если он остается с другими заключенными, он

отдаляется от персонала, а значит, и от жизни на свободе. Когда заключенный оказывается на стороне персонала, он вступает в противоречие с тем своим образом, который он демонстрирует другим заключенным; принимая же сторону осужденных, он опровергает тем самым и свои слова, и то, как он предстает перед администрацией. Так же, как и у рассматриваемых Е. Гоффманом "заклейменных", у заключенного возникает "ощущение амбивалентности по отношению к самому себе", и он испытывает постоянное противоречие: "(...) ему одинаково невозможно как примкнуть к своей группе, так и отмежеваться от нее". Обе эти противоречащие друг другу логические схемы приводят к тому, что, находясь в замкнутом пространстве, заключенный начинает жить двойной жизнью, фрагментировать свой дискурс и поведение. Распадаться на части. (Goffman, 1989 [1975] : 128-129)

И прежде всего, этот распад происходит под постоянным наблюдением всех за всеми. Безусловно, исполнение различных ролей не является прерогативой заключенных. На свободе мы говорим и играем свои роли по-разному, в зависимости от того, кто перед нами. Однако, как правило, вероятность того, что наши разные аудитории пересекутся, невелика. В тюрьме же, наоборот, разные люди находятся в одном и том же пространстве.

Противоречивые требования, предъявляемые заключенному, становятся причиной дезинтеграции его идентичности. Эта дезинтеграция еще усиливается оттого, что заключенный, понимая всю бессмысленность двух противоречащих друг другу логических моделей жизни, должен тем не менее их принять (то есть принять на веру) в том случае, если он хочет придать смысл своему существованию как осужденного и как будущего свободного человека. Заметим также, что к этим двум логическим моделям, которым заключенный должен следовать одновременно, можно добавить и противоречивые мнения о заключенном со стороны пенитенциарной администрации. Для того чтобы содержать осужденного под стражей, свести на нет опасность его уравнивания с собой и обосновать употребление власти над ним, тюремные работники воспринимают заключенного как Другого, отличного от них, как лицо по природе опасное, как представителя особого вида. Однако, для того чтобы выполнять свою ресоциализирующую функцию, тюремным работникам приходится одновременно воспринимать заключенного как человека, готового выйти на свободу, а значит, похожего на них. Эти противоречивые мнения о заключенном не очень помогают ему в создании своей идентичности.

"Кто я? В кого и во что я верю?" – задается вопросами заключенный. "В тюрьме каждому по нескольку раз (и столь деструктивно) приходится узнавать пределы своей моральной и психической гибкости (...). В подобном контексте разрушается понятие правды как основа моральных устоев. Во всяком случае, его видимость." (Favret-Saada, 1994-1995).

Вопрос об идентичности становится, таким образом, важнейшим для осужденных на длительный срок, которые конструируют моральный облик других заключенных, затем свой собственный моральный облик, а затем меняют его. Заключенный вынужден одновременно следовать двум логическим моделям жизни в одном и том же замкнутом пространстве; он живет среди других заключенных и в то же время стремится к освобождению; он вынужден выбрать одну из двух моделей (которая не обязательно поможет ему выйти из тюрьмы); заключенный является объектом противоречивых суждений со стороны тюремного персонала (разные люди в разных ситуациях либо рассматривают его как человека, которого необходимо изолировать от общества, либо в нем видят будущего гражданина). В результате заключенный прибегает к нескончаемым идентитарным (ре)композициям себя самого и другого, а также к постоянной (ре)организации моральных ценностей. В подобной ситуации, в лучшем случае, заключенный не в состоянии создать свой образ в тюрьме, в худшем — теряет связь с реальностью. И это притом, что персонал полагает, что помогает заключенному, заставляя его работать, посещать учебно-профессиональные занятия и, прежде всего, встречаться с психологами, размышлять о себе самом и работать над созданием образа уравновешенного человека. В результате заключенный начинает задаваться вопросом: кто он такой "на самом деле", так и не находя удовлетворительных ответов.

Библиография

- AUSTIN J.-L., 1970. *Quand dire c'est faire*, Paris, Le Seuil, coll. "Point".
- BESNARD Ph., 1987. *L'anomie*, Paris, PUF.
- COHEN A., 1955. *Delinquent Boys*, New-York, The Free Press.
- CLEMMER D., 1958 (1940). *The prison community*, New-York, Holt, Rinehart & Winston, 1958.

- CLOWARD R., 1959. *Social control and anomie : a study of a prison community*, Columbia University, New-York..
- ELIAS N., SCOTSON J. L., 1997 (1965). *Logiques de l'exclusion*, Paris, Fayard, 1997 (1965).
- FAUGERON C., CHAUVENET A., COMBESSIE Ph., 1996. *Approches de la prison*, Bruxelles-Ottawa-Montréal, De Boeck.
- Esprit*, Prisons à la dérive, numéro spécial, octobre 1995.
- FAINZANG S. " La maladie de Lucie ", *Ethnologie française*, 1988, 18 (1), pp.55-63.
- FAINZANG S. " Espace et altérité : les relations interculturelles dans une communauté périurbaine de la Région Parisienne ", *Anthropologie et Société*, 1988, 12 (1), pp.103-113.
- FAVRET-SAADA J., Etre affecté, *Gradhiva*, 1990, 8, pp.3-9.
- FAVRET-SAADA J., Conférence de Mme Jeanne Favret-Saada, *Annuaire EPHE, Section sciences religieuses*, 1996, 103.
- FAVRET-SAADA J., Séminaire de l'EPHE, 7 février 1996, non publié.
- GARABEDIAN P., 1963. " Social roles and processes of socialization in the prison community ", *Social problems*, vol. 11, pp.139-152, 1963.
- GOFFMAN E., 1990 (1968). *Asiles, études sur la condition sociale des malades mentaux*, Paris, Les éditions de minuit.
- GOFFMAN E., 1984 (1973). *La mise en scène de la vie quotidienne, 1 – La présentation de soi, 2 – Les relations en public*, Paris, Les éditions de minuit.
- GOFFMAN E., 1989 (1975). *Stigmate, les usages sociaux des handicaps*, Paris, Les éditions de minuit.
- JODELET D., 1989. *Folies et représentations sociales*, Paris, PUF.
- LE CAISNE L., 2000. *Prison. Une ethnologue en centrale*, Paris, Odile Jacob.
- LE CAISNE L., 2004. " L'Economie des valeurs. Classement et hiérarchie en milieu carcéral. " *L'Année sociologique*, 55, n°2, p. 511-538.
- LE CAISNE L., 2008. *Avoir 16 ans à Fleury. Ethnographie d'un centre de jeunes détenus.*, Paris, Le Seuil.
- LEVI-STRAUSS Cl., 1997 (1952). *Races et Histoires*, Paris, Gallimard, Folio Essais.
- SCHRAG C., 1961. Some foundations for a theory of correction, in CRESSEY (D. R.), *The prison : Studies in institutional organization and change*, New York, Holt, Rinehart and Winston.

- SPERBER D., 1993. " Remarques anthropologiques sur le relativisme moral ", in J-P. Changeux (sous la dir.), *Fondements naturels de l'éthique*, Paris, Editions Odile Jacob, pp.319-333.
- SYKES G. M., MESSINGER S. L, 1960. The inmate social system, in Cloward (R.) et al., *Theoretical studies in the social organization of the prison*, New York, Social Sciences Research Council.